

К. В. Алексин

«ЛИТУРГИ» И «СПЕЦИАЛИСТЫ»: ПРИШЕЛ ЛИ «НОВЫЙ» СВЯЩЕННИК НА СМЕНУ ТРАДИЦИОННОМУ?¹

Цель представленного исследования — понять, можно ли говорить о том, что изменения, произошедшие в официальном нарративе Русской Православной Церкви о священнике, повлияли на реальное распределение ими времени таким образом, что в повседневности мы встречаем священников «нового образца» («специалистов») и священников «старого образца» (ориентированных на традиционные, в первую очередь богослужебные функции). На основании проведенных интервью автор анализирует представления информантов о «должном» — каким должен быть хороший священник. Как результат предлагается типологизация приходских священников современной Русской Православной Церкви через их положение в функциональной структуре церковной организации. Автор заключает, что хотя на бюджет времени современного пастыря и влияет его положение в церковной структуре, однако способ его действия в значительной степени зависит от внутренних установок (образа хорошего священника) и может являться своего рода преодолением своего места в структуре. Актуальность настоящего исследования определяется его новизной и практической значимостью. Постоянное изменение современного общества требует постоянного анализа места и значения религиозных акторов. Чувствительность к этим изменениям позволяет проводить корректные преобразования и плодотворно решать проблемы церковной жизни.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, священник, пастырское действие, пастырское богословие, практическое богословие, диакония, миссия, качественные методы, община, приход.

Активный выход священников в публичное поле в современной России «переткрыл» для обывателя фигуру священника. Из мрачного бородастого носителя сакрального в черной рясе он стал «превращаться» то в представителя подлинного национального духа, то в защитника традиционных ценностей, то в хранителя памяти о прошлом, то в агента благотворительности, то в психолога. Вовлечение духовенства и некоторых активных мирян в миссионерское и диаколическое служение на рубеже столетий, занятие Церковью активной позиции по острым общественным вопросам — все это породило в российском медийном дискурсе и общественном сознании образ священника-захватчика, осуществляющего экспансию Церкви (Русской Православной Церкви, воспринимаемой как общественная организация) в «свободную от религии» публичную сферу. Необходимо отметить, что под такого рода экспансией понимались (а зачастую понимаются и сегодня) достаточно привычные для современного общества вещи — попытка добиться разрешить богослужения в большой церкви, дать возможность проводить уроки религии (или религиозной культуры) в школе, открыть моленную комнату в военной части или легализовать теологию как учебную и научную специальность. Эта реализация прав граждан после семидесяти с лишним лет советского режима в современной России многим кажется явлением невозможным и крайне нежелательным. Попыткой понять, что происходит

Кирилл Вадимович Алексин — магистр теологии, преподаватель Богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (alexin.tf@gmail.com).

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Священник в Церкви и обществе: анализ бюджетов времени» при поддержке Фонда развития ПСТГУ (2017–2018).

с отечественным духовенством, как меняется его образ действия (и меняется ли), какие новые задачи перед ним встают и как готовить будущих священников к решению этих новых задач, объясняется предпринятое в лаборатории Социологии религии ПСТГУ исследование бюджетов времени современных российских священников².

Очевидно, что священники действуют по-разному. Что заставляет их действовать тем или иным образом? В одной из уже опубликованных в рамках проекта статей, посвященной трансформации нормативного дискурса Русской Православной Церкви о священстве, мы отмечаем, что на смену традиционному образу священника как осквителя, учителя и управителя в официальных документах церковной власти приходит священник-«специалист», сосредотачивающий свое служение на определенной сфере деятельности Церкви и выполняющий в ней далеко не исключительно сакральные функции [Алексин, 2017].

В настоящей статье мы попытаемся понять, можно ли говорить о том, то изменения, произошедшие в официальном нарративе Русской Православной Церкви о священнике, повлияли на реальное распределение времени священниками таким образом, что в повседневности мы встречаем священников «нового образца» («специалистов») и священников «старого образца» (ориентированных на традиционные, в первую очередь богослужебные функции)? Иными словами, создает ли «новый нарратив о священнике» нового священника?

Для достижения этой цели мы предпримем следующее: на основании интервью проанализируем представления наших информантов о «должном» — каким должен быть хороший священник. Далее мы представим на основании интервью два взгляда на литургическую функцию священника — от двух информантов с максимально непохожими бюджетами времени³. И наконец, предложим типологизацию приходских священников современной Русской Православной Церкви через их положение в функциональной структуре церковной организации.

Методы

Дизайн эмпирического исследования включал в себя комплекс методов сбора данных. Такое совмещение должно было помочь одновременно охватить максимальное количество аспектов жизни священника и избежать возможных смещений. Особенности исследуемой социальной группы создавали определенные трудности на всех этапах получения доступа к информантам. Возможные искажения могли свести на нет все полученные результаты, если бы мы пользовались только одним способом получения данных. Поэтому было принято решение вести одновременно *включенное наблюдение* (participant observation) методом *shadowing*, *сбор бюджетов времени* методов дневников (diary method) и исследование *методом интервью*. После проведения пилотного этапа в московском регионе стало понятно, что сбор бюджетов времени методом дневников оказывается недостоверным, и потому у остальных респондентов бюджеты времени собирались непосредственно наблюдателем с занесением в специальную таблицу.

Наиболее «радикальным» методом ведения полевого исследования в рамках нашего проекта стал *shadowing* (дословно — «слежка»). Когда внутри рабочей группы проекта мы обсуждали, как именно следует вести наблюдение за жизнью и деятельностью священников, наш выбор пал на этот метод, достаточно давно используемый в рамках *organisational research*⁴. Пожалуй, первым таким исследованием стала книга Гарри Волкотта «Человек в кабинете директора» [Wolcott, 2003]. В рамках кейс-стади

² Исследовательские проекты «Способы пастырского действия: анализ бюджетов времени священников» и «Священник в Церкви и обществе: анализ бюджетов времени», поддержанные Фондом развития ПСТГУ.

³ Имеются ввиду различия по времени, затраченному на различные типы активностей: богослужебный, учительный, административный.

⁴ Подр. см.: [Czarniawska, 2007; Gill, Barbour, Dean, 2014; McDonald, 2005].

по антропологии образования полевик в течение восьми месяцев сопровождал директора школы, изучая, как устроена его жизнь и какое место занимает директор школы в разных уровнях сообщества среднего американского города. По-видимому, именно в этом исследовании лично *shadowing* было впервые употреблено как наименование метода сбора качественных данных. Барбара Чарнявска в своей работе, посвященной этому методу, определяет его как «следование за отдельными людьми в их повседневных занятиях в течение определенного времени» [Czarniawska, 2007, 17] и соотносит его с методом дневников. В нашем проекте мы избрали стратегию, согласно которой исследователь сопровождал информанта в течение его «рабочего времени» в течение одной недели. При этом часто можно было получить комментарии самого священника о происходящем, многие вещи он старался объяснять в контексте не только текущего момента, но и всей своей жизни и своего видения священнического служения. При этом наблюдатель мог обращать внимание на те ситуации, которые священника обычно не замечаются вследствие их регулярности.

Безусловно, основной материал для качественного анализа был получен в рамках **глубинных интервью**. С каждым информантом проводилось два интервью. Сначала мы планировали сделать первое из них ознакомительным, а второе — глубинным. Однако еще на пилотном этапе оказалось, что информация, получаемая от священников во время личных разговоров (например, по дороге к больному прихожанину или на освящение дома), часто оказывается гораздо интереснее и важнее для исследования, чем ответы на прямо задаваемые во время интервью вопросы. Поэтому было решено переработать гайд и сделать первое интервью максимально подробным, а второе — кратким подведением итогов недели наблюдения. Так, первое интервью после указанной модификации включало в себя три блока: биографический, посвященный реальной повседневной занятости информанта и мировоззренческий.

Третьим методом, как уже было сказано выше, стал сбор **бюджетов времени**. Тот же исследователь, который проводил наблюдение, заносил в специальную таблицу время начала и окончания каждой активности, ее краткое описание и, по возможности, комментарий к ней (в виде цитаты из интервью или полевого дневника). В таблицу заносились только активности, которые имели место в течение «рабочего дня» священника.

Для того чтобы достичь максимально полного охвата при имеющихся человеческих, финансовых и временных средствах, в исследовании мы использовали комбинированную выборку, объединяющую два способа подбора информантов. На этапе формулировки гипотез мы полагали, что бюджет времени и ценностные акценты священника различаются как в зависимости от региона, так и в связи со «специализацией» информанта. Поэтому мы объединили географическую выборку (по макрорегионам) с интенсивной выборкой (несколько значимых случаев) в одном регионе. В нашем исследовании представлены семь федеральных округов Российской Федерации — Центральный, Южный, Северо-Западный, Приволжский, Урал, Сибирь и Дальний Восток. В Северо-Кавказском федеральном округе мы не проводили наблюдений и не собирали бюджеты времени, но брали интервью у священников.

Нам не хотелось ограничиваться только священниками из больших городов, потому как их случаи будут не показательны, поэтому в каждом из макрорегионов⁵ мы старались изучить бюджет времени как минимум двух священников: городского и сельского. В одном из регионов (Центральный) были выбраны для анализа распределения «рабочего времени» священники, которые максимально отличаются по своим повседневным обязанностям. Подбор священников проходил с помощью личных контактов участников семинара «Священник в современном мире», в рамках которого возникла идея проекта. Таким образом в нашу выборку попали: священник, работающий с молодежью, священник-преподаватель, больничный священник, священник в женском монастыре, настоятель в небольшом храме, священник-«чиновник» и священник-культуртрегер. В регионах России участники исследования

⁵ К сожалению, на Дальнем Востоке это оказалось невозможным.

обращалось к епископам или партнерам лаборатории с просьбой подобрать священника для исследования.

Следуя указаниям консультантов, мы **старались избежать смещений**. Как пишут Ковалев и Штейнберг, основные смещения возможны вследствие неудачного подбора информантов, выбора ситуации исследования и времени исследования [Штейнберг и др., 2009, 318]. Первой и главной проблемой здесь является **подбор информантов**. При всем желании сделать нашу выборку структурно подобной генеральной совокупности (35,2 тыс. священников Русской Православной Церкви), нам это удалось лишь отчасти. Определенные проблемы существуют как с доступом к информантам, так и с получением от них согласия на исследование. Более охотно идут на контакт молодые священники, поэтому возрастные группы до 50 лет преобладают в нашей выборке. Мы считаем, что так нам удалось немного «опередить время» и отразить ситуацию, которая будет характерна для российских священников через 7–10 лет. Что касается **ситуации исследования**, то она в нашем случае была задана методом наблюдения и исследовательским фокусом работы. Требовать от информантов разрешить нам участвовать в их досуге или наблюдать их 24 часа в сутки показалось нам нереалистичным. Рабочая неделя (семь рабочих дней) оказалась вполне «преодолимым» форматом работы. Труднее оказалось с **временем исследования**. В основном наблюдения проходили весной и осенью, отчасти зимой. Для нашего поля в ситуации города важно, чтобы наблюдение происходило в течение учебного года (сентябрь–май), в селе — в осенние и весенние месяцы. По этому принципу не удалось избежать определенного смещения только в одном случае, когда респондент-директор школы был наблюдаем исследователем в период весенних каникул. Однако стоит отметить, что, несмотря на каникулярное время, он продолжал выполнять свои обязанности в этой сфере, хоть и в несколько менее интенсивном режиме.

Результаты

*Оценка значимости действий:
кто такой «хороший священник»?*

Образ «хорошего священника» среди наших информантов выделить оказалось не так просто. Несмотря на **деятельностный** акцент, который мы ставили в вопросе, многие респонденты отвечали нам не о том, *что* делают хорошие священники, но *как* они это делают или, шире, — какими качествами они обладают. Респонденты, ответившие на вопрос «что», весьма интересным образом проговорили «общие места» пастырских руководств, повествующих о «должностях пресвитеров», изобразив традиционного священника (упомянутая «модель SDR»). Начав каждый со своего варианта главной священнической функции, они, как бы спохватившись, указывали на предельную важность богослужения.

Священник должен проповедовать, ...служит священник и какие-то [обряды] совершает, и по требованию, и какие-то на дому, приходит пособоровать там, причастить, поисповедовать, освятить и все остальное. Но я думаю, что священник как раз должен организовать приход.

S17, священник, Ярославль

Респондент: *Священник должен говорить о духовном с людьми — вот об этом он должен. Если он будет еще и о мирском с людьми общаться, дружить просто, — тогда его не хватит просто на всех. Либо семья страдает, либо он сам страдает. <...> Мне кажется, насчет общества в целом священник должен постараться по крайней мере детей воспитать так, чтобы не было такого количества*

абортов, разводов, убийств, наркомании. По отношению к обществу большая миссия. <...> Мне кажется, священник должен заниматься своим делом.

Интервьюер: А дело священника, вкратце, — это что?

Р.: **В первую очередь это служба. Служить, и все.** Одним словом можно. Потому что исповедь — это тоже служба, и молебен, и панихида, и все это, одним словом, служба.

S9, священник, Тверь

...мне кажется, быть отцом для своих пасомых, вот именно не священником, а отцом, это очень важно. Это главное. <...> **Должен приводить прихожан ко Христу, а не к себе.** <...> **В этой связи все, что касается таинства, священнодействия священника, я все считаю существенным, основным, это главное.** И исповедь, конечно, сюда, и молебны, и все, и все, и панихиды, все это существенно, сторона священства. Но, конечно, **существенной стороной священства, конечно, является также, ну, вот, служение, раз, пастырская деятельность, то есть окормление пасомых, два, исповедывание их, ну и, конечно, священник должен... просвещать.** Потому что, к сожалению, наши верующие люди, они очень духовно безграмотные.

T3, протоиерей, Ставропольский край

Респонденты, ответившие на вопрос о действии священника через описание образа его действия, разделились на две группы. Одни ставили акцент на «открытости», для других был более важен «нравственный идеал». Те, кто говорил об **открытости**, отмечали важность коммуникативного аспекта в служении священника. Для них искренность и открытость по отношению к Богу и, то же, к человеку являются основой или даже условием деятельности священника. Ключевым понятием для таких священников оказывается **общение** — с Богом и с другим человеком.

Р.: Но мне кажется, [священник должен] **искать Бога.** ... **Ищи же Его, вслушивайся, всматривайся в службу, в богослужение, в евангельские строки, когда ты перед престолом стоишь, ищи Его.** <...> **Если он [священник] будет Его [Бога] искать, он ведь будет искать Его и в людях, через людей, тогда человек будет интересен.**

И.: Чем вообще священник должен заниматься?

Р.: Я считаю, что **он должен общаться с людьми.** Даже не столько с молодежью, с инвалидами, теми или иными. **Священнику должен быть важным сам человек.** Потому что мы ведь иногда бегаем по разнарядкам. А человека-то и не видим. <...> Мы же призваны к **тесному общению с Богом.** На Литургии мы же дерзаем **открыть** себя навстречу Ему, а он открывает нам Себя. Если у священника, как я понял, есть эта жила **предстояния перед Тайной Божьей, которая для тебя является альфой и омегой — Кто ведет тебя, Кто питает, Кто вдохновляет тебя, то это переносится и на других людей.** Ты... **ответ этого видишь в другом человеке.** И тогда свет есть.

S23, священник, 43 года, Сибирь

И.: Что отличает хорошего священника от просто священника?

Р.: Ну, мое мнение, что **по-настоящему искренний человек.** В том смысле, что **он искренне относится к Богу, непосредственно, и так же относится к людям.** <...> **Есть вот позиция такая, что люди и священник должны быть на расстоянии, нельзя никого подпускать, дружить ни с кем нельзя, я вот когда это слышу, конечно, становится не по себе.** Как это? Если у нас будут такие опосредованные отношения с людьми, то а с Богом как тогда? Также будут какие-то опосредованные

отношения. Поэтому — искренность, ну, в том смысле, что открывать себя по отношению к Богу и к людям. <...> Искренность молитвенная, наверное, тоже непосредственно связана. <...> **Молитва**, это первое, а второе, это все-таки каждый священник должен быть, в наших реалиях нынешних, **духовничество наше призвание.** <...> Ну, уже все остальное... — деятельность приходская, что касательно социальной работы, да, это хорошо, это нужно, но, когда это, как стройка, начинает тебя поглощать полностью, это тоже очень беспокоит, что не совсем тем удастся заниматься.

S12, протоиерей, Кубань

И.: Чем спасается священник?

Р.: **Молитвой, любовью к Богу и людям.** Больше ничем. То, что любовь, я уже говорил, это нечто, требующее **самоотверженности.** <...> Не знаю, этим спасется ли человек. Человек спасается только милостью Божией. Можно быть во всем святым и где-то оступиться. Поэтому нам не дано, у кого есть право оступаться. Другое дело, что **любовь уничтожает страх,** апостол Иоанн говорит. Оступаться не надо, но **страха быть не должно. Надо жить искренне.**

T2, священник, Тверь

Нравственный идеал другой группы описывался как священник «честный» (нелицемерный, не двуличный), не подверженный грубым порокам (непьющий) и имеющий заинтересованность в духовных вопросах. Проповедь личным примером, единство образа жизни (и близкое ему «быть просто хорошим человеком») — важные составляющие этого образа.

Хороший священник — это тот, который всегда стремится. Который всегда горит. Который сам себя тербит, прежде всего. Себя. Это самое сложное. <...> **Быть ответственным и по совести поступать.** Вот и все. Что-то выскивать? Поэтому хороший священник — который любит церковь, любит молитву, службу, любит людей. Потому что если этого не будет, то священником уже сложно назвать.

S19, священник, Хабаровский край

Кто-то недавно, один из батюшек, говорил мне, что для священника, **чтоб быть хорошим священником, в наше время достаточно просто быть человеком.** <...> А священник должен быть одним из тех людей, которые приходят на его приход. Понятно, что в богослужбном отношении он как-то отличается. **Но в жизни он не должен отличаться.** Он должен быть одним из них.

S6, священник, Москва

Поэтому [чтобы] затронуть сердце человека... священник должен стараться. <...> Опять же словом, примером своим личным. Не только служить, **не только говорить, но и делать надо так же, как говоришь и как служишь.**

T1, священник, Рязанская обл.

Который ведет, прежде всего, **нравственный образ жизни,** и при этом для него это не является каким-то напрягом. Не пьет... **Во всем видит духовную сторону** («духовный интерес» — К. А.).

T5, протоиерей, Санкт-Петербург

И.: Каким священник должен быть, чтобы спастись?

Р.: **Честным.** <...> То есть я стараюсь вести свою жизнь и думаю, что каждый священник, вообще каждый человек должен вести так, **чтобы быть тем, кто он есть на самом деле.** То есть если, допустим, священник пьет, не знаю, пиво, например. Вот я, например, совершенно не пью. Если пьет пиво, то он не должен его пить тихо, так, чтобы никто не видел и об этом не знал. Пьешь — так и пей. То есть приходская

трапеза, так налей себе пива и пей пиво на трапезе. [А то] ты с прихожанами пьешь минеральную воду, а приходишь домой, покупаешь себе пиво и вечером у телевизора с рыбой пьешь пиво. Хотя при этом, вполне возможно, ты остаешься благочестивым, не напиваешься и вечернее правило исполнил, всё нормально. Но у тебя вот это размежевание между твоим благочестием как священника и твоим существованием где-то вне. Вот на таких примерах я могу проиллюстрировать понятие честности. И то же самое в каких-то мировоззренческих [вопросах]».

Т9, священник, Санкт-Петербург

Можно заключить, что усредненный образ хорошего священника, увиденный глазами самих российских священников, находится где-то на пересечении традиционного священника пастырских учебников, открытого людям и Богу человека и добродетельного члена своей общины, у которого слова не расходятся с делами.

*Действие священника:
литургическое и нелитургическое*

Не только в установках, но и в эмпирической данности первостепенную роль в жизни священников в современной России по-прежнему играют активности, связанные с совершением богослужений (Божественные Литургии, службы суточного круга, требы). Их соотношение может быть очень разным. В среднем информанты тратили на такого рода активности от 15 до 25 часов в неделю. Для некоторых из них значительная часть от указанного времени набиралась за счет треб (освящений для сельского священника S12 и причащений и соборований для больничного S3). При этом время, затрачиваемое на причащение одного больного, может варьироваться от 7–10 минут (при общем посещении незнакомых больных в стационаре) до часа при посещении больной прихожанки. Оценка литургической деятельности самими информантами — неизменно высокая. Все без исключения информанты в своих интервью назвали возглавление евхаристического богослужения главнейшей своей обязанностью или одной из двух главнейших.

Одной из стартовых точек нашего проекта была проверка гипотезы о справедливости дихотомии «требоисполнение — душепопечение». Широко известный по литературе отрицательный образ священника-требоисполнителя, который служит «ради хлеба куска» и не общается с прихожанами, оказался не таким распространённым в нашем поле. Сельский священник, совершивший наибольшее количество треб (S12), едва ли не дольше других занимался душепопечением. Его стратегия — прийти к прихожанину (или заходянину) с требником и кропилом, и так говорить с ним о его душе, проблемах, грехах, поисках выхода — оказалась ничуть не менее душепопечительской, чем у священников, посвящающих многие часы подряд общению на исповеди (S2, S4). В то же самое время среди наших информантов были и те, для кого культовые активности оказывались самоценными или мыслились как исключительное содержание их работы с прихожанами. Так, священник из Вологодской области в своем интервью заметил:

...я и сам в этом нуждаюсь. Понимаете, как молебен отслужил, сделал доброе дело, — и живешь спокойно. День не зря провел, как-то вот так. А панихида — это святое, потому что у кого-то девятый, у кого-то сороковой день, кто-то пришел помянуть.

S25, протоиерей, Русский Север

Для этого священника богослужение оказывается не просто основным содержанием, но и смыслом его служения. Нельзя сказать, чтобы эта установка была подробно отрефлексирована. Несмотря на фрагменты «богословия требоисполнения», в наших интервью трудно найти обоснования такого рода пастырской позиции. Скорее тут

мы имеем дело с обычным знанием, почерпнутым от предшествующих поколений священников.

И.: ...*вот почему именно молебен? Вот в Церкви же много разных чинов. И молебен из них самый несложный, что ли, или простой. Почему Вы выбираете именно его?*

Р.: *Интересный вопрос. Я, честно говоря, не задумывался. Вы знаете, как у апостола Павла: «Ответ находите в том, в чем научен». Вот меня чему научили опытные хорошие священники, то я стараюсь поддерживать ту планку. Хотя бывает очень тяжело поддерживать. Они были намного сильнее меня и мудрее, и выносливее. То есть по сравнению с ними я несу меньшие.*

S25, протоиерей, Русский Север

Индивидуальное пастырство у священников с подобными установками нередко сводится также к культовому аспекту. К примеру, типичным советом для матери сына-наркомана будет чтение определенного акафиста определенное количество дней.

И.: *О чем обычно Вас спрашивают?*

Р.: *О всем. Буквально обо всем. О чем даже можно и не спрашивать. О простых житейских делах. Как правило, спрашивают о том, какие молитвы в каких случаях читать. <...> Или, допустим, какую службу заказать. И что почитать. А вот в этом случае что почитать. Что бы Вы посоветовали, какое чтение духовное.*

S25, протоиерей, Русский Север

Даже если не обозначать такой подход как магический, здесь мы видим священника как литурга, ходатая за своих прихожан.

Другим взглядом (во многом альтернативным) оказывается понимание богослужения как коммуникации и священника как значимого актора этой коммуникации.

Во время службы и во время треб я считаю просто: ты открыт к Богу, ты общаешься. Для Него они важны, вот эти люди. Ты открыт к ним во время службы. Если у меня получается вот это общение. Грубо говоря, ты выходишь на «мир всем». А ты смотришь на этих людей, и они смотрят на тебя. Ты понимаешь, что вы тут вместе что-то делаете, переживаете. Да, вот через этот взгляд, через эту открытость можно общаться в течение службы. Не всегда это удается. Иногда хочется стать монументальным. Как бы позволить себе и немножко отстраниться от всего. А иногда ты смотришь на прихожан, а они прячут глаза, и ты понимаешь, что они не готовы на тебя смотреть или вообще в ту сторону смотреть. Как у Синайской горы народ еврейский. Им не надо вообще-то туда.

S23, священник, 43 года, Сибирь

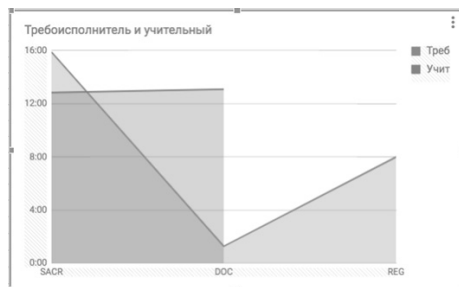

Рис. 1. Требоисполнительный и учительный священник (Источник: Полевые материалы автора, анализ)

Следствием такого отношения к богослужению оказывается большая просветительская активность, в том числе ориентированная на общение прихожан друг с другом. Иллюстрацией этого может быть та разница в распределении времени, которую нам удалось зафиксировать между авторами двух последних цитат.

На диаграмме (рис. 1) видно, что у «коммуницирующего» информанта S23 активности распределяются равномерно между культовыми (SACR) и учительными (DOC), в то время как у «литурга» несколько большее количество времени занимают

культурные активности и очень малое — учительные. Кроме прочего, это вновь иллюстрирует значимость богослужения для священников с совершенно разными установками.

*Священник в обществе менеджеров:
властная структура и священники-«специалисты»*

Структура священнической среды, как можно заключить из нашего полевого исследования, отличается неоднородностью. В отличие от российских священников столетней давности, наши информанты имеют часто весьма несходный бэкграунд, не проходили с детства через систему духовного образования, живут и трудятся в регионах с разными экономическими условиями, на разных должностях, в приходах разного размера и укомплектованности штатов. Несмотря на это, можно зафиксировать достаточно стройную систему статусов и специализаций, описывающую подавляющее большинство наших информантов. Позиция внутри этой системы в значительной мере определяет повседневную занятость современных российских священников.

Вертикальную ось этой системы составляют *статусы* — особые послушания (клирик, настоятель, глава епархиального отдела / благочинный), горизонтальную — *специализации* (только приходской священник, молодежный, культуртрегер, больничный, «образователь»), и так далее.

Статус священника определяет зону его ответственности — это либо прихожане и ограниченное количество внутриприходских послушаний (клирик), либо прихожане вместе с храмом и храмовым хозяйством (настоятель), либо все приходы определенной части епархии (благочинный) или определенной специфики (руководитель епархиального отдела).

Специализация определяется «особым послушанием», которое несет тот или иной священник. Оно может быть как епархиального, так и приходского уровня. Так, священник в статусе клирика со специализацией «молодежный» — занимается молодежью в рамках прихода, а в статусе руководителя отдела — отвечает за молодежную работу в рамках епархии. То же самое и с остальными специализациями: руководителями отделов религиозного образования и катехизации и директорами приходских воскресных школ, руководителями отделов по социальному служению, настоятелями больничных храмов и ответственными за окормление больниц в том или ином приходе. Указанная система «особых послушаний» / направлений работы существует в Русской Православной Церкви на всех уровнях: от приходского до общероссийского. Ответственные общероссийского уровня (руководители синодальных учреждений) составляют «правительство» Московского Патриархата — Высший Церковный Совет. Приблизительно тот же набор ответственных существует в епархиях (руководители отделов), далее — в церковных округах (помощники благочинных) и, наконец, на приходах (там эти должности могут занимать и миряне).

Приведем полный список этих направлений:

- религиозное образование и катехизация;
- культура;
- взаимодействие с казачеством;
- миссионерство;
- взаимодействие с Вооруженными силами и правоохранительными органами;
- взаимодействие с обществом и СМИ;
- работа с молодежью;
- тюремное служение;
- церковная благотворительность и социальное служение;
- вопросы семьи, защиты материнства и детства;
- спорт (в перспективе).

Из перечисленных специализаций можно также выделить **«традиционные» активности и более «современные»**. Например, в больницах причащали больных в XIX в. и точно так же причащают сегодня (хотя стали чаще). Таким образом, больничные священники мало изменились с точки зрения своего специфического «больничного» функционала. В то же самое время культуртрегеры или молодежные пастыри — это представители новой и гораздо менее имеющей дело со священным сферы. Отсюда очевидное и логичное желание как можно больше «культурной» и «молодежной» работы делегировать мирянам. Аналогичные тенденции касаются и «несвященной» части церковной социальной работы.

Совершенно иначе стала работать **катехизация**. После того как в ряде нормативных актов епархий Русской Церкви была закреплена обязательность предкрещальных и предвенчальных бесед, они (по меньшей мере формально) появились почти во всех российских приходах. На практике это привело к падению количества крещений, новым типичным претензиям к священникам, появлению большого числа катехизаторов-мирян и, что очень важно, возникновению необходимости для священников с самыми разными характерами и установками беседовать с не практикующими «христианами по самоидентификации». Ряд священников нашел в миссионерской и катехизической работе точку применения своих талантов. Многие из наших информантов на определенном этапе своей жизни занимались (или занимаются сейчас) храмостроительством.

Храмостроители в основном совмещают со своим служением выполнение обязанностей прораба. Значительная часть времени этих священников уходит на изучение документов, взаимодействие с рабочими, выбор и закупку стройматериалов и, конечно же, краудфандинг и поиск спонсорской помощи.

Культуртрегеры значительное место в своей повседневной жизни отводят организаторской деятельности, направленной на «просвещение через культуру» и общение в социальных сетях.

Благочинные являются церковными чиновниками. Их бюджет времени характеризуется большим, чем у приходских настоятелей, объемом работы с внутрицерковными документами, участием в гражданских мероприятиях районного уровня (например, совещаниях), инспекционными поездками по подотчетным храмам.

Молодежные священники, как правило, мало отличаются от просто приходских пастырей и совмещают это послушание с каким-то еще (например, образовательным). Основной активностью по части работы с молодежью оказывается участие во встречах молодежных приходских клубов, совместных паломничествах и походах, выездах на светские и церковные молодежные слеты.

Больничные капелланы бывают двух видов. Некоторые служат в приходском храме в городе и дополнительно окормляют больничный (или молельную комнату), другие же являются настоятелями больничных храмов, при которых часто нет своего прихода или он очень малочислен. Исповедь и причащение в больницах (в которых часто принимают участие люди, не являющиеся прихожанами и вообще не практикующие регулярную церковную жизнь) может занимать значительное время. Так, нам известно о причащении в районной больнице в Поволжье, которое по причине большого числа желающих заняло 3 часа 20 минут.

Военные капелланы. Строго говоря, в нашей выборке не было ни одного священника, который подходил бы под обыкновенное западное понимание военного капеллана. Объясняется это тем, что институт капелланства в российской армии пока еще только возрождается. Большинство священников, которые окормляют военнослужащих, занимаются этим параллельно со служением на приходе. Однако почти в каждой епархии существует священник, ответственный за работу с Вооруженными силами и правоохранительными органами. С одним таким священником мы общались в рамках экспедиции на Юге России. За все время наблюдения нам не удалось поучаствовать в мероприятиях, которые были бы посвящены работе с военнослужащими. Информант объяснял это большой занятостью на трех своих приходах

и отсутствием желания со стороны руководства военных частей, расквартированных на территории епархии. Свою работу он описывал так:

Р.: Частей очень много, у нас в N только три, четыре, пять частей только в городе, в епархии — девять. Они просят тоже, воскресный день, допустим, у меня молебен, Литургия, потом крестины, и к ребятам надо успеть, причем у них четко до трех нужно уже быть.

И.: А что Вы там делаете в воскресенье?

Р.: Беседу провожу. Сейчас вот такие срочники есть у нас, войска, космическая часть, очень отзывчивые ребята, как оказалось.

S12, протоиерей, Кубань

Всякий раз, увидев военный самолет или автомобиль, информант кратко молился и говорил наблюдателю что это тренируются или едут «наши ребята из такой-то части». Однако основную часть времени этот священник тратил на консультирование прихожан, литургические активности и строительство храма в своем родном хуторе.

Среди *специализаций* можно выделить также **священников без особых послушаний**. Для них основной точкой приложения усилий оказывается собственно богослужбная жизнь и душепопечение приходящих в храм. Обычно они больше других возглавляют службы, заменяя тех, кто из-за особых послушаний не может участвовать в богослужении во время своей череды. То же можно сказать и о **сельских** священниках. Как правило, они оказываются единственными на своем приходе (чаще — нескольких приходах) и не несут особых послушаний, в наибольшей степени соответствуя образу традиционного священника — литурга, пастыря и проповедника.

Само явление специализации оценивается внутри священнического сообщества позитивно, хотя и не без оговорок. Отмечая важность той или иной специализации, священники нередко жалуются на большое количество документов, сопровождающих эту работу, а также на нехватку времени для исполнения прямых священнических обязанностей.

Ну, уже все остальное, так сказать, как это называется правильно, деятельность приходская, что касательно социальной работы, да, это хорошо, это нужно, но когда это, как стройка, начинает тебя поглощать полностью, это тоже очень беспокоит, что не совсем тем удаётся заниматься.

S12, протоиерей, Кубань

При многих положительных следствиях специализация приводит также и к некоторому *размыванию* священнической идентичности. Чем больше времени священник уделяет своим «специальным» обязанностям, тем меньше остается у него на основные — те, которые и формируют его как священника, — богослужение и душепопечение.

Обсуждение

Безусловно, существуют и священники, деятельность и мотивации которых не укладываются в представленную нами схему. Я хотел бы представить два кейса из двух очень отличных регионов России — Поволжья и Сибири. Представляется, что эти информанты (S23 и S27) смогли в своей священнической практике преодолеть разделение официальной функциональной дифференциации и найти для себя целостный и полный священнический образ.

Кейс 1. Информант из Сибири, капеллан часовни в доме инвалидов, первоначально казался нам маргиналом, так как все попытки поместить его в одну из ячеек любой предполагаемой нами церковной структуры постоянно терпели крах. Выдавленный

под влиянием разного рода обстоятельств из формальной церковной структуры, этот священник оказался крайне продуктивен именно в своем «свободном» положении, не связанном рамками епархии, благочиний, отделов. Кроме своего далекого от города интерната он служил в двух храмах в городе (не будучи клириком ни одного из них) и занимался разнообразной миссионерской и катехизической деятельностью.

Катехизацией в данном случае информант называл большой набор своих никем не контролируемых активностей, которые мы могли бы отнести к учительной функции. Это и библейские кружки, и беседы на приходе, и встречи на разных более или менее формализованных городских площадках с верующей или ищущей молодежью. Другим важным делом этого священника была работа волонтерской группы по помощи инвалидам, проживающим в том самом интернате, капелланом которого наш информант был назначен.

Сам информант при этом не считает себя «специалистом по катехизации» или «молодежным священником», так как, с его точки зрения, адресатом действия священника является сам человек, не скрытый за маской своего социального статуса, что отчасти предполагает «категориальное пастырство» специализаций.

И.: Чем вообще священник должен заниматься?

Р.: Я считаю, что он должен общаться с людьми. Даже не столько с молодежью, с инвалидами, теми или иными. Священнику должен быть важным сам человек. Потому что мы ведь иногда бегаем по разнарядкам. А человека-то не видим.

S23, священник, 43 года, Сибирь

Следствием такого подхода к своей деятельности является отсутствие значительной по размеру «своей общины» и существование нескольких сетей взаимодействия, образующихся вокруг отдельных проектов, в центре каждого из которых находится сам информант. При этом центром своего служения этот священник видит евхаристическое богослужение и происходящее в его рамках общение, которые имеют место все же, как правило, в конкретной общине и являются исполнением и целью всех прочих усилий пастыря.

Кейс 2. Информант из Поволжья, настоятель и единственный священник небольшого храма в городе средней величины, показался нам интересным примером священника, не вписывающегося ни в одну из специализаций. Вместе с тем он не был и «священником без особых послушаний», который выполнял бы на своем приходе всю пастырскую и богослужебную работу, оставляя в стороне активное миссионерство и социальную работу. Однако само восприятие им своего служения противоречило разделению на «специальности», функционал священника им мыслился цельно, подобно тому как цельно мыслилась и аудитория адресатов священнического действия.

И.: А Вы себя видите в большей степени кем из своих послушаний? <...> Именно по тому, чем Вы занимаетесь. Не Ваши помощники, а Вы.

Р.: Я вообще ничем не занимаюсь.

И.: Ну, там, Вы помощник благочинного по этому, по пятому, по десятому.

Р.: Ну, я не знаю, могу ли я себя... Социальные проекты, это молодежные проекты, в моем мозгу никак не разделяются. Это совершенно искусственное разделение. Тот же самый фестиваль — это молодежный проект, или это социальный проект, или это вообще чего такое? Или это культурный? Есть же отдел по культуре еще. Куда это отнести? Я не знаю. Но это дело, которое направлено на то, чтобы людям было проще прийти в Церковь. <...> Просто направлены на людей, которые здесь живут, собственно говоря, вот и все. А это молодежь, это и дети, это и взрослые. Почему-то пытаемся общество искусственно разделить на какие-то социальные слои. Понятно, что это необходимо, когда ты планируешь дело, — понимать свою целевую аудиторию. Но так или иначе нужно точно так же понимать, что эта

целевая аудитория, она очень условна. То есть если ты что-то делаешь для детей, то тут же для родителей. Если ты делаешь что-то для детей и для родителей, при этом участвуют волонтеры, то это как бы и молодежное тоже дело. И одно без другого просто немыслимо.

S27, протоиерей, 48 лет, Поволжье

На практическом уровне набор активностей данного информанта объединял в себе гармонично традиционные и современные. Так, за неделю наблюдения информант провел организованный приходом кинофестиваль, один раз поучаствовал в Литургии в городском соборе, два раза возглавил Литургию и один раз всенощную, по одному разу отдельно молебен и панихиду, причащал в роддоме, больнице и двух отдаленных деревнях, съездил в епархиальный центр на совещание, поприступствовал на гостевой лекции на своем приходе и поучаствовал в совещании в Доме культуры. Несмотря на то, что значительная часть активностей информанта за время наблюдения носила организационный характер и формально может быть отнесена к социальной, молодежной или культурной работе, —богослужбные активности занимали первостепенное значение. Другой особенностью этого священника было эффективное делегирование. Так, на приходе существует волонтерская группа, вовлекающая в себя значительное число нецерковной молодежи, воскресная школа, группа зависимых и созависимых, проводятся предбрачные и предвенчальные беседы. Все эти начинания подсоединяют к «ядру» общины новых людей, обладая, таким образом, большим вовлекающим потенциалом. Каждое из указанных направлений приходской деятельности возглавляет мирянин, находящийся в близком контакте с информантом. Одна из помощниц настоятеля выполняет одновременно функции катехизатора, псаломщика (часто проводя службы самостоятельно, без священника), требной сестры. Такое сочетание обязанностей у одной приходской сотрудницы показывает, что при определенных личностных качествах возможно исполнение православными мирянами (в том числе женщинами) обязанностей, аналогичных обязанностям пастырских референтов и ассистентов в некоторых католических странах. Можно предположить, что узкая специализация приходских сотрудников в ряде случаев может оказаться не самым успешным вариантом распределения обязанностей на приходе, так как ключевую роль в обеспечении коммуникации внутри общины или между общиной и местным сообществом часто играют индивидуальные сети взаимодействия и отдельные приходские проекты (вне зависимости от своего профиля). Наш приволжский информант на своем примере показал вариант преодоления современной священнической специализации и то, что задачей священника в таком случае оказывается поддержка коммуникации внутри приходского ядра и между различными приходскими проектами, удержание единого целеполагания внутренней и внешней деятельности общины.

Заключение

Безусловно, изменения в официальном нарративе о священнике включили в сферу должного многие новые типы активностей. Наиболее значимое изменение, как кажется, заключается в превращении священника в публичную фигуру, о которой церковная администрация судит в значительной мере именно по его участию в общественной жизни («добросовестности несения возложенных послушаний», ср.: «во внимание к добросовестному несению возложенных послушаний», «исправно неся возложенное послушание», «за безупречное несение послушания награжден...»), чем по активности индивидуальной работы с людьми.

Действительно, это смещение акцентов имеет своим следствием ослабление внимания церковных властей к слабо формализуемым видам пастырской деятельности (строительство общины, индивидуальная работа, посещение прихожан, работа с семьями).

При этом, однако, способ несения этих упомянутых «*послушаний*» в значительной мере зависит от самого священника. Как мы обнаружили, на бюджет времени современного пастыря влияет его положение в церковной структуре, однако способ действия в значительной степени зависит от внутренних установок (образа хорошего священника) и может являться своего рода *преодолением* своего места в структуре. В качестве крайних случаев можно привести информанта-маргинала (S23), не уложившегося в рамки церковной структуры и нашедшего «свой путь» в неподотчетности и неформальности своих активностей, и информанта-«универсала», который, напротив, берет на вооружение все существующие тренды и поручения, но при этом не размывает свою идентичность, а наоборот, оказывается в центре большой сети связей, задействующих как собственно церковные сферы, так и гражданские организации его города.

Таким образом, хотя современные тенденции и накладывают отпечаток на повседневность священника, говорить о том, что перед священником стоит радикальный выбор между двумя образами действия, все же не приходится. Не редуцированное до функционального понимание своего служения позволяет священникам, занимающим совершенно разные позиции в церковной структуре, продуктивно объединять в себе «старые» и «новые» функции официального нарратива без ущерба для тех и других.

Источники и литература

1. Алексин (2017) — *Алексин К.В.* Ускользящий священник: трансформация нормативного дискурса РПЦ о пресвитерском служении // *Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института.* Вып. 24. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2017. С. 136–169.
2. Штейнберг и др. (2009) — *Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А.* Качественные методы. Полевые социологические исследования. М.: Алетей, 2009.
3. Czarniawska (2007) — *Czarniawska B.* Shadowing: And Other Techniques for Doing Fieldwork in Modern Societies. Malmö: Liber [u.a.], 2007.
4. Gill, Barbour, Dean (2014) — *Gill R., Barbour J., Dean M.* Shadowing in/as Work: Ten Recommendations for Shadowing Fieldwork Practice // *Qualitative Research in Organizations and Management: An International Journal.* 2014. Vol.9. Is. 1. P.69–89. doi: 10.1108/QROM-09-2012-1100
5. McDonald (2005) — *McDonald S.* Studying Actions in Context: A Qualitative Shadowing Method for Organizational Research // *Qualitative Research.* 2005.Vol. 5. Is. 4. P. 455–473. doi: 10.1177/1468794105056923
6. Wolcott (2003) — *Wolcott H.F.* The Man in the Principal's Office: An Ethnography. Rowman Altamira, 2003.

***Kirill Aleksin.* “Liturgists” and “Specialists”: Has the “New” Priest Replaced the Traditional One?**

Abstract: The purpose of the study is to understand whether it can be said that the changes in the official narrative of the Russian Orthodox Church about the priest influenced the real time allocation of the priests in such a way that in everyday life we meet new style priests (specialists) and old-style priests (oriented to traditional, primarily liturgical functions). Based on in-depth interviews, the author analyzes the representations of the informants — how a good priest should behave. As a result, the typology of parish priests of the modern Russian Orthodox Church is proposed based on their position in the functional structure of the church organization. The author concludes that although the time allocation of the modern pastor is

influenced by his position in the Church structure, however, the way he acts largely depends on the internal attitudes (the image of a good priest) and can be a kind of overcoming his place in the structure. The relevance of this study is determined by its novelty and practical significance. The constant change of modern society requires constant analysis of the place and importance of religious actors. Sensitivity to these changes allows to carry out correct transformations and fruitfully to solve problems of Church life.

Keywords: Russian Orthodox Church, priest, pastoral action, pastoral theology, practical theology, diaconia, mission, qualitative methods, community, parish.

Kirill Vadimovich Aleksin — Master of Theology, Lecturer at the Theological Faculty of the St. Tikhon Orthodox University (alexin.tf@gmail.com).

Sources and References

1. Aleksin (2017) — Aleksin K.V. Uskol'zayushchiy svyashchennik: transformatsiya normativnogo diskursa RPTS o presviterском sluzhenii [The elusive priest: the transformation of the normative discourse of the Russian Orthodox Church about the presbyterial ministry]. *Svet Khristov prosveshchayet vseh: Al'manakh Svyato-Filaretovskogo pravoslavno-khristianskogo instituta* [The Light of Christ enlightens all: Almanac of the St. Philaret Orthodox Christian Institute], Is. 24. Moscow: Svyato-Filaretovskiy pravoslavno-khristianskiy institut, 2017, pp. 136–169. (In Russian).

2. Steinberg et al. (2009) — Steinberg I., Shanin T., Kovalev E., Levinson A. *Kachestvennyye metody. Polevyye sotsiologicheskiye issledovaniya* [Qualitative methods. Field sociological research]. Moscow: Aletyya, 2009. (In Russian).

3. Czarniawska (2007) — Czarniawska B. *Shadowing: And Other Techniques for Doing Fieldwork in Modern Societies*. Malmö: Liber [u.a.], 2007.

4. Gill, Barbour, Dean (2014) — Gill R., Barbour J., Dean M., Shadowing in/as Work: Ten Recommendations for Shadowing Fieldwork Practice. *Qualitative Research in Organizations and Management: An International Journal*, 2014, vol. 9, is. 1, pp. 69–89. doi: 10.1108/QROM-09-2012-1100.

5. McDonald (2005) — McDonald M. Studying Actions in Context: A Qualitative Shadowing Method for Organizational Research. *Qualitative Research*, 2005, vol. 5, is. 4, pp. 455–473. doi: 10.1177/1468794105056923.

6. Wolcott (2003) — Wolcott H.F. *The Man in the Principal's Office: An Ethnography*. Rowman Altamira, 2003.